

О Личности: лингвокультурологические заметки¹

© кандидат филологических наук *И.В. Зыкова, 2013*

Статья посвящена разработке понятия «личность» с позиции лингвокультурологии. Данное понятие анализируется в рамках дихотомии 'коллективное – индивидуальное'. Особое внимание уделяется методологическому аспекту, связанному с проблемой выбора лингвистического объекта (в широком понимании) для лингвокультурологического исследования, в качестве которого может выступать язык-система, язык-текст, язык-способность.

Ключевые слова: личность, культура, язык, коллективное, индивидуальное

Личность и одна только личность творит культуру,
и, в свою очередь, задача культуры есть утверждение
свободной духовности, воспитание богатой и
полной ценного содержания индивидуальности.

П.Б. Струве

Обращение к проблеме, обозначенной в заглавии настоящей статьи, продиктовано одновременно двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, масштабом и глубиной той личности, которой являлась Вероника Николаевна Телия в жизни и в науке и которой посвящается данное издание. Во-вторых, потребностью в более пристальном внимании к той категории – категории личности, которую Вероника Николаевна Телия считала «вершинной» [Телия 2007] в развиваемой ею новой отрасли современного языкознания – лингвокультурологии, которая формируется на рубеже XX и XXI веков в русле антропологической парадигмы изучения языка².

Кульминационным, подытоживающим долгий и столь плодотворный научный путь Вероники Николаевны Телия стал фундаментальный «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий». Созданный под ее научным руководством коллективом авторов – М.Л. Ковшова, В.В. Красных, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, Д.Б. Гудков, С.В. Кабакова, И.С. Брилева, он выдержал на сегодняшний день уже несколько переизданий (см.: [БФСРЯ 2006; 2007; 2008; 2009]). Именно с работы над этим словарем

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1140.2012.6 «Образы языка в лингвистике начала XXI века» (рук. В.З. Демьянков) и в рамках гранта «Языковые параметры современной цивилизации», соглашение 8009.

² Об антропологических основаниях становления лингвокультурологии см. подробнее в [Постовалова 1999].

началось личное знакомство автора настоящей статьи с Вероникой Николаевной Телия, которое состоялось благодаря Елене Георгиевне Белявской.

Впечатление, которое произвело не только сугубо научное, но и просто человеческое общение с такой многогранной во всех отношениях и неординарной личностью, как Вероника Николаевна Телия является в буквальном смысле неизгладимым. Крайне требовательная к себе, скрупулезная, щепетильная к любым «мелочам» в работе Вероника Николаевна умела при этом создать атмосферу свободной творческой реализации, не ограниченной рамками строгих методологических алгоритмов; атмосферу, предполагающую выражение собственных авторских интенций, создающую условия для активного творческого поиска и стимулирующую его, предоставляющую возможность открытого самовыражения. «Быть в диалоге» – фраза, которую часто употребляла Вероника Николаевна и в которой, пожалуй, наиболее точно раскрывается та генеральная линия, которую она выстраивала и которой придерживалась в своих отношениях с каждым автором, индивидуальность личности которого она высоко ценила, к личному вкладу в общее научное дело которого она очень уважительно и внимательно относилась.

Вероника Николаевна Телия была редким по своей одаренности человеком, соединяющим в себе много разных незаурядных качеств. Она обладала особой научной интуицией, научной проницательностью и прозорливостью, даром научного предвидения, научной дальновидностью, научной щедростью наряду с отзывчивостью, готовностью в необходимом момент поддержать и защитить, сочувствием, сопереживанием, участием в проблемах, выходящих за рамки профессиональных. Общение с ней учило многому, заряжало новыми идеями и мыслями, являлось мощнейшим стимулом для дальнейшего научного роста, открывало новые горизонты изучения языка через его связь с культурой, творцом или главным «актером» (по В.Н. Телия) которых является личность. Не будет преувеличением сказать, что «дух» той особой обстановки научного со-творчества, созданной Вероникой Николаевной Телия в процессе работы над Словарем, и по сей день служит энергетическим источником, дающим творческие силы и укрепляющим научный интерес к области лингвокультурологического изучения языковых знаков.

Из записей личных бесед с Вероникой Николаевной Телия о перспективах развития лингвокультурологического направления во фразеологии в свете утверждения темы докторской диссертации автора настоящей статьи, сделанных за несколько месяцев до ее кончины, явствует то, что проблема личности как «вершинной категории» в лингвокультурологических исследованиях волновала Веронику Николаевну до

самого конца ее научного и жизненного пути. В ходе многочисленных обсуждений она постоянно возвращалась к тому, что «лингвокультурология исходит от личности», «именно личность находится в центре всего – языка и культуры» (из обсуждения от 22 марта 2011 года); «для лингвокультурологии важна личность, которая выражает свои коммуникативные намерения в различных модусах, например одобрения / неодобрения, осуждения и т. д.», «в лингвокультурологии личность представляет собой одновременно субъект языка и субъект культуры» (из обсуждения от 14 апреля 2011 года).

Посвящая проблеме личности настоящую статью, мы хотели бы отдать дань памяти личности известного ученого – основоположника одного из самых перспективных направлений современной фразеологии – лингвокультурологического направления, личности прекрасного человека – Вероники Николаевны Телия.

Данная работа представляет собой первичный опыт осмысления этой весьма сложной и глубинной проблемы, а потому выполняется в жанре научных заметок, позволяющем сочетать характерную для него информативность с элементами аналитики. Соответственно, в ней прежде всего освещаются некоторые из наиболее существенных для нашего исследования концепций личности как актора (или субъекта) культуры и личности как актора (или субъекта) языка, предпринимается попытка сформулировать интегрированное понимание культурно-языковой личности в свете сопряженных с ней других понятий лингвокультурологии, рассмотреть ее в параметрах оппозиции индивидуального и коллективного. В рамках настоящей работы затрагивается и методологический аспект, касающийся проблемы выбора языкового объекта (в широком понимании) для лингвокультурологического исследования с учетом индивидуально-коллективной природы культурно-языковой личности.

* * * * *

Уделяя внимание, прежде всего, культурно-языковым истокам понятия, отметим, что «личность» происходит от латинского слова *persona*, которое вошло в разные европейские языки (напр.: англ. *person*, нем. *die Person*, фр. *personne*). В латинско-русском словаре даются следующие значения этого термина: 1) маска, личина (*преим.* театральная); 2) театральная роль, характер; 3) житейская роль, положение, функции; 4) личность, лицо; 5) *грам.* лицо [ЛРС 2005]. Примечательно, что, как указывает К.В. Бандуровский, «в классической латыни это слово обозначало прежде всего “маску” (ср. рус. “личина”) – слепок с лица предка, ритуальную маску и театральную, исполняющую роль резонатора, служащего для усиления звука голоса, в результате чего возникла традиция возводить это слово к глаголу *personare* – “громко звучать” <...>

В Средние века это слово интерпретировалось как “звучать через себя” (*per se sonare*) – персоной, т.о., является тот, кто обладает собственным голосом (*Bonaventura*, 2 Sent. 3, р. 1, а. 2, q. 2). Другая популярная в Средние века этимологизация, ложно приписываемая Исидору Севильскому, – *per se una* (единая сама по себе). Современные исследователи возводят это слово к этрусскому *fersu* (маска), по-видимому восходящему к греческому *πρόσωπον* (лицо, передняя часть, маска)» [Бандуровский 2001].

На сегодняшний день можно констатировать, что понятие «личность» является центральным или ключевым в целом ряде научных дисциплин как не-междисциплинарного, так и междисциплинарного цикла, таких, как философия, социология, антропология, психология, языкознание, культурная антропология, социобиология, этнопсихология, философская антропология, социальная философия, этнолингвистика, лингводидактика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология и др. В зависимости от той или иной научной области познания этого феномена релевантным при его определении признается рассмотрение связи личности с понятиями «человек», «персона», «ипостась», «усия», «субъект», «индивид», «индивидуум», «индивидуальность» и др. К примеру, по определению Л.П. Карсавина, личность есть «конкретно-духовная, телесно-духовная определенная сущность, единственная в своем роде, незаменимая и многосторонняя». Единство личности есть ее духовность, а множественность – ее телесная природа. Принцип личности как таковой неопределим, он есть *усия*, сущность по отношению к определенному первоначальному единству – Отцу, к самораздельному единству – Сыну и к воссоединяющему себя единству – Св. Духу» [Карсавин 1992] (цит. по: [Лосский 1991]).

Следует особо подчеркнуть, что характерным для современного изучения личности является разнообразие теоретических подходов, обусловленное ее многомерной сущностью, а также многообразие методологических ориентаций, соответствующих многообразию образов человека, таких, как, например, «ощущающий человек», «человек – потребитель», «деятельностный человек», «запрограммированный человек» и др. [Асмолов, Леонтьев 2001]. Поскольку в рамках настоящей работы нам важна главным образом та сторона жизнедеятельности личности, которая связана с ее культурной и языковой «реализацией», возьмем именно этот (т. е. более конкретный или более узкий) ракурс ее освещения.

Исследования, направленные на изучение роли личности в культурных и языковых процессах, ведутся довольно давно. Однако весьма распространенным является мнение о том, что многие из существую-

щих в настоящее время подходов к указанной проблематике восходят к трудам В. фон Гумбольдта, особое внимание в которых уделяется культуротворческой и языкотворческой силе народа, представляющего собой множественность индивидуальных «Я» [Гумбольдт 2000]. Примечательно, что по сложившейся на сегодняшний день практике во многих из научных дисциплин, занимающихся проблемой личности в культурно-языковом ракурсе и являющихся предшественниками лингвокультурологии или развивающихся синхронно с ней, личность изучается преимущественно, либо в ее связи с культурой, либо в ее отношении к языку. Данный факт и определяет логику изложения исследуемой в настоящей работе проблемы личности, согласно которой мы вкратце остановимся сначала на трактовках личности как актора (или субъекта) культуры, а затем – как актора (или субъекта) языка. Это дает нам в итоге суммированный опыт изучения личности в двух ракурсах (культурном и языковом), с опорой на который становится возможным подойти к ее определению с позиции лингвокультурологии.

Понятие *личности как актора (или субъекта) культуры* разрабатывается в научных трудах таких зарубежных и отечественных ученых, как В. Вунд, В. Дильтей, Л. Леви-Брюль, Б. Малиновский, Р. Бенедикт, А. Кардинер, М. Мид, Э. Бенвенист, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.А. Сорокин, Н.С. Трубецкой, В.С. Библер, Ю.М. Лотман, И.С. Кон и мн. др. Рассмотрим несколько подробнее некоторые из концепций личности в ее отношении к культуре.

Так, по мнению П.Б. Струве, между личностью и культурой существует высшая, трансцендентная связь. Культура, согласно ученому, есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие. Не существует иного творца и носителя культуры, кроме личности. «Воплощение идеала в действительность, образующее сущность культурного творчества, может совершиться лишь проходя через ту точку бытия, в которой мир идеала скрещивается с миром действительности и творение абсолютных ценностей совмещается с их реализацией в эмпирической жизни, эта точка есть личное сознание, духовная жизнь мыслящей и действующей личности». Культура существует в личности и личностью. Культура есть содержание личности [Струве 2007]. С точки зрения П.А. Сорокина, одной из главных составляющих культурного мира является личностная составляющая, благодаря которой «культурный мир вырос до такой степени по своей динамической и творческой силе, что использовал в значительной мере неорганические и органические силы, подчинил их себе, сильно изменив поверхность всей земли и простирает свою власть далеко за границы нашей земли в космос» [Сорокин 1992: 136]. Указывая на особую роль личности в культурных про-

цессах, В.С. Библер пишет о том, что «развертывание культуры есть ее перематывание из безличной формы всеобщности в личностную форму культуры индивида и именно тем самым придание культуре мышления (идеи) формы культуры субъекта (духа). Анонимно всеобщее переходит здесь в форму индивидуального, субъективного, а индивидуальная жизнь приобретает форму всеобщности, культурности». Как считает В.С. Библер, индивид в горизонте культуры это индивид в горизонте личности [Библер 2007].

Рассмотрение личности как актора (или субъекта) культуры, а также изучение интерактивных процессов между личностью и культурой способствует формированию понятия «культурная личность». Так, Ю.М. Лотман определяет культурную личность следующим образом: «Стремление к увеличению семиотического разнообразия внутри организма культуры приводит к тому, что каждый обладающий значением узел структурной организации ее начинает проявлять тенденцию к превращению в своеобразную “культурную личность” – замкнутый имманентный мир с собственной внутренней структурно-семиотической организацией, собственной памятью, индивидуальным поведением, индивидуальными способностями и механизмом саморазвития. В результате культура, как целостный организм представляет собой сочетание таких построенных по образцу отдельных личностей структурно-семиотических образований и системы связей (коммуникаций) между ними» [Лотман 2001: 564].

Оптимизация научных усилий отмечается сегодня и в разработке понятия *личности как актора (или субъекта) языка*. Изучение взаимоотношения личности и языка приводит в первую очередь к возникновению такого терминологического обозначения этого взаимоотношения как «языковая личность». Введенный в научный обиход В.В. Виноградовым (1930)³, термин «языковая личность» получает активную разработку в лингвистике и смежных с ней научных дисциплинах. Как указывает Е.Г. Беляевская, «вся языковая система ориентирована на человека, который пользуется языком, передавая информацию в процессе коммуникации, получает информацию в языковой форме и мыслит, в основном опираясь на языковой код. Соответственно, в центре внимания лингвиста должен находиться не просто язык как система знаков, а “человек говорящий”, то есть языковая личность» [Беляевская, Маляр 2011: 48]. «Языковая личность в своем исходе – это носитель языка, а изучение языковой личности – это моделирование языковой способности обобщенного носителя языка» [Там же: 47].

³ Термин «языковая личность» неоднократно используется В.В. Виноградовым в его работе «О художественной прозе» (1930).

Особой вклад в развитие понимания языковой личности вносит Ю.Н. Караулов. Согласно Ю.Н. Караулову, языковая личность представляет собой совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [Караулов 2002]. По мнению Ю.Н. Караулова, структура языковой личности состоит из трех уровней: нулевого – семантического уровня организации языковой личности, первого – лингво-когнитивного уровня, позволяющего установить иерархию смыслов и ценностей в картине мира языковой личности (в ее тезаурусе), и второго – мотивационного уровня, позволяющего выявить и охарактеризовать мотивы и цели, движущие развитием, поведением языковой личности, управляющие ее текстопроизводством и в конечном итоге определяющие иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира [Там же: 36–37].

Современное изучение языковой личности происходит в разных научных плоскостях. Наиболее традиционным, однако, является рассмотрение языковой личности в плоскости отношений «язык – речь», в результате которого происходит сужение или расширение ее толкования, или ее дифференциация. С позиции Г.И. Богина, языковая личность «характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Богин 1980: 3]. Согласно ученому, языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1982: 1]. С точки зрения В.А. Масловой, языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно в речевой личности проявляется национально-культурная специфика языковой личности [Маслова 2004: 119]. Е.С. Никитина предлагает выделять в процессе становления языковой личности четыре этапа (или стадии), на каждом из которых происходит формирование определенного типа человека: 1) человек понимающий (индивид), 2) человек говорящий (субъект), 3) человек творящий (личность), 4) человек передающий (учитель). Так, собственно личностью человек становится на третьем этапе в связи с разившейся творческой способностью порождать разнообразные по форме и содержанию тексты (текстовая личность) [Никитина 2008].

Особого внимания заслуживает предложенная В.В. Красных концепция «человека говорящего». В соответствии с тремя выделенными А.А. Леонтьевым состояниями языка – язык как *предмет*, язык как *спо-*

собность, язык как *процесс*, которые «есть части речевой деятельности» [Леонтьев 1969: 23], В.В. Красных проводит разграничение между языковой личностью, речевой личностью и коммуникативной личностью, являющимися тремя ипостасями человека говорящего. Согласно автору, «языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений; речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических); коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации» [Красных 2003: 51].

Обзор существующих подходов к пониманию личности в ее отношении к культуре и языку показал, что, несмотря на разнообразие трактовок, суть ее универсального понимания раскрывается в параметрах *акциональности*. Однако личность не просто действует. Она творит, ведь «становление личности может совершаться лишь в работе преобразования мира» [Гумбольдт 2000: 61], при котором она, т. е. личность, является источником и движущей силой *культурных* и *языковых процессов*. А потому сама культура и сам язык могут инверсионно определяться как личностные процессы. Личность – это творчески созидающее начало культуры и языка. Без личности нет ни культуры, ни языка. Культура и язык – это результат деятельностного отношения человека как личности к миру. Следовательно, «культурная личность» и «языковая личность» – не суть различные, а суть тождественные (или скорее – однородные) понятия, закономерный синтез которых происходит в рамках лингвокультурологии, поскольку, по замечанию В.Н. Телия, субъект языка – это всегда и субъект культуры [Телия, Дорошенко 2008].

В лингвокультурологии «личность» – понятие интегральное, объединяющее в себе одновременно личность культурную и личность языковую. Как указывает В.Н. Телия, «предметная область лингвокультурологии – изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры – субъектов языка и культуры» [Телия, Дорошенко, 2008: 210-211]. *Культурно-языковая личность*, по определению, характеризуется двойной творческой акциональностью, благодаря которой создается новая духовно-ментальная и материальная *интерактивная реальность как особое антропологическое пространство бытия – лингвокультура*⁴. Куль-

⁴ О понятии «лингвокультура» см. подробнее в [Красных 2007; 2010; Ковшова 2012].

турно-языковая личность, создавая ту или иную лингвокультуру и существуя в ней, обладает соответствующей – *культурно-языковой – компетенцией*, которая трактуется В.Н. Телия как «владение установками культуры, с которой говорящие/слушающие себя идентифицируют и способны оперировать ими в коммуникативно-языковой их презентации» [Телия 2004: 27]. Это положение получает сегодня весомое методологическое обоснование в исследовании М.Л. Ковшовой, в котором с опорой на эксперимент, метод глубокой интроспекции и метод лингвокультурологического комментария было доказано, что в элементарном объеме любой носитель языка обладает культурной и языковой компетенцией, что культурная компетенция, в совокупности с языковой, позволяет передать и воспринять не только языковое значение, но и транслируемые с помощью языковых знаков (фразеологизмов, в частности) культурные смыслы, сделать свой культурный выбор [Ковшова 2009; 2012]. Принимая во внимание понятие культурно-языковой компетенции, культурно-языковая личность может толковаться, как, цитируя В.Н. Телия, «полифонический носитель языка, находящийся как бы “внутри” когнитивно-языковых систем интерпретативной переработки, концептуализации и лингвокреативной (в смысле Б.А. Серебrenникова) обработки информации, принадлежащей предметной области культуры, но воплощенной в формы языковых знаков» [Телия 2004: 27]. Культурно-языковая компетенция как достояние одновременно индивидуальное и коллективное выводит нас в еще одну важную плоскость рассмотрения культурно-языковой личности, т. е. ее рассмотрения в рамках дихотомии «индивидуальное – коллективное». Одним из существенных представляется вопрос о том, о какой культурно-языковой личности идет речь: индивидуальной или коллективной?

Анализ исследований, посвященных данной проблематике, позволяет сделать вывод о возможности трех подходов к этому вопросу.

Согласно первому подходу, главным актором культурных и/или языковых процессов является именно *индивидуальная личность*. Суть данной позиции заключается в том, что, как указывают некоторые ученые и исследователи, любое культурное или языковое образование изначально (или исходно) представляет собой продукт индивидуального творчества, создается чувственно-интеллектуальными потенциями отдельной личности. Создание, существование, функционирование культуры и естественного языка (например, его словарного состава) есть результат действий индивидуальных личностей. Культура и язык создаются в ходе творческой активности главным образом индивидуальной личности (см. напр.: [Налимов 1989; Залевская 2005]). К данному подходу можно отнести также и концепции, в которых значимость индивидуальной личности по сравнению с личностью коллективной в культу-

ротворчестве и языкотворчестве считается гораздо более существенной и устанавливается приоритет индивидуального над коллективным (см., напр.: [Карасик, Слышкин 2005]).

В рамках второго подхода утверждается, что только *коллективная личность* является реально действующей силой культурных и языковых процессов. Проводя разграничение между индивидуальной и коллективной личностью, некоторые ученые и исследователи указывают на исключительную или преимущественную роль последней в формировании культуры и языка. Так, Н.С. Трубецкой отмечает, что личностью является не только отдельный человек, но и народ. Народ (или даже целая группа народов), создавший, создающий или могущий создать особую культуру, рассматривается как особая личность: ибо культура как совокупность и система культурных ценностей предполагает целесообразное творчество, немыслимо без личности, как частнонародной, так и многонародной [Трубецкой 2007]. В связи с этим, и культурное, и языковое понимается главным образом как продукт коллективной личности – носителя коллективного сознания (см., напр.: [Воркачев 2001]). С точки зрения П.Ю. Черносвитова, «сначала формируется ментальная сфера коллектива как таковая, “субъектом” которой является коллективное мышление сообщества, а потом, по мере движения отбора в среде ее носителей на сложность организации нейрональных структур, появляются собственно люди, способные оперировать содержанием этого “субъекта” более или менее самостоятельно <...>. Но поскольку они продолжают оставаться членами коллектива, они все равно в своем мышлении не являются абсолютно самостоятельными, и, участвуя во внутриколлективном диалоге, лишь расширяют за счет процессов, идущих в их менталитете, ментальную сферу коллектива в целом» [Черносвитов 2009: 110]. Главенство коллективной личности в культурных и языковых процессах отмечается и А.Н. Арлычевым. Согласно ученому, человек по своей природе существо деятельное. «Но как субъект деятельности он выступает не сам по себе, а в единстве с другими людьми, с коллективом, с обществом в целом». Творить, создавать ценности принципиально невозможно без непосредственного либо опосредованного участия других людей. Именно коллективный характер деятельности как раз и является тем фактором, который создает условие обнаружения, фиксации и закрепления общих свойств вещей в идеальном процессе» [Арлычев 2005: 99]. Подход к языку как результату деятельности коллективной личности, приоритетная роль коллективной личности в языковых процессах могут получить обоснование в плоскости отношений «язык – идиолект». Как указывает Л.О. Чернейко, примат языка над идиолектом состоит в том, что слова и их смыслы существуют в культуре

народа независимо от того, владеет ли ими отдельный субъект [Чернейко 1997].

Преимущественное положение коллективной личности в создании культуры и языка указывает на необходимость рассмотрения сущности самого этого феномена. Весьма распространенной является трактовка коллективной личности как личности усредненной. В этой связи особого внимания заслуживают концепции так называемой базисной (или основной, типовой, модальной (т. е. часто встречающейся или наиболее частотной)) личности, разрабатываемые такими учеными, как А. Кардинер, Р. Линтон, Д. Хониман, К. Дюбуа, А. Инкелес, Д. Левинсон и др. С точки зрения А. Кардинера, базисная личность представляет собой совокупность склонностей и особых черт характера, свойственных большинству индивидов той или иной культуры. Каждая культура характеризуется своим особым типом личности. «Интегративные системы», как отмечает ученый, входящие в структуру базисной личности, обеспечивают единство и устойчивость культуры, согласованность образующих ее институтов («первичных» и «вторичных»), конгениальность личности тем природным и культурным условиям, в которых она формируется и функционирует [Kardiner, Linton 1939] (цит. по: [Николаев 1998]). К. Дюбуа определяет личность, обладающую общими для данной нации чертами, «модальной» (от статистического термина «мода»). Под модальной личностью исследователь понимает наиболее часто встречающийся тип личности, обладающий некоторыми особенностями, присущими культуре народа в целом. Таким образом, в каждом национальном сообществе можно найти такие личности, которые воплощают средние общепринятые черты. Модальные личности это то, что понимается как «средние» американцы, англичане или «истинно» русские. Модальная личность воплощает в себе все те общекультурные ценности, которые общество прививает своим членам в ходе культурного опыта [DuBois 1944]; см. т.ж.: [Фролов 1994]. Следует отметить, что, несмотря на критику, которой могут сегодня подвергаться существующие концепции базисной личности (в ее терминологических вариациях), многие из положений, выработанные в рамках этих концепций, являются весьма плодотворными в отношении определения того, что представляет собой усредненная личность и какова ее роль в культурных и языковых процессах. Они вносят существенный вклад в формирование понимания коллективной личности.

И, наконец, в третьем подходе участие *индивидуальной* и *коллективной личности* в процессах создания и развития культуры и языка рассматривается как в равной степени релевантное. Индивидуальная и коллективная личности понимаются как два взаимодействующих, взаимопределяющих начала всякого культуротворческого или языкотвор-

ческого акта. Эта взаимообусловленность отмечается, в частности, В. фон Гумбольдтом. Ученый пишет: «обычно язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям. Когда мы слышим образованное нами слово в устах других людей, то объективность его возрастает, а субъективность при этом не испытывает никакого ущерба, так как все люди ощущают свое единство; более того, субъективность даже усиливается, поскольку представление, преобразованное в слово, перестает быть исключительной принадлежностью лишь одного субъекта. Переходя к другим, оно становится общим достоянием всего человеческого рода; однако в этом общем достоянии каждый человек обладает чем-то своим, особенным, что все время модифицируется и совершенствуется под влиянием индивидуальных модификаций других людей» [Гумбольдт 2000: 77]. Таким образом, акцентируется то, что создание и развитие как культуры, так и языка зависит одновременно и от отдельного человека, т.е. индивидуальной личности, и от всего коллектива, т.е. коллективной личности. Ученый особо подчеркивает, что отдельный человек всегда связан с целым – с целым своего народа. Жизнь индивида, с какой стороны ее ни рассматривать, обязательно предполагает взаимодействие. Поэтому в культуротворческих и языкотворческих процессах неизбежно присутствуют двое – отдельный человек и весь народ [Гумбольдт 2000], иначе говоря, индивидуальная личность и коллективная личность. С точки зрения О.А. Леонтович, само противопоставление «коллективная личность – индивидуальная личность» следует рассматривать как условное, поскольку типизация проходит на основе индивидуальных черт конкретных носителей языка; с другой стороны, индивидуальные личности усваивают типичные черты своей культуры как общественного (или коллективного) явления [Леонтович 2007].

Последний подход, в котором индивидуальная личность и коллективная личность уравниваются в значимости их роли в культурных и языковых процессах представляется нам наиболее приемлемым. Вслед за сторонниками этого подхода, мы также считаем необходимым учитывать тот факт, что индивидуальное приобретает свою самость и целесообразность лишь на базе и/или на фоне коллективного, рамки творческой реализации индивидуального всегда коллективное, как собственно, и наоборот.

Рассмотрение роли индивидуального и коллективного в формировании понятия культурно-языковой личности имеет особое методологическое значение, так как связано с вопросом о выборе языкового объекта исследования (в широком понимании). Этот вопрос можно сформулировать следующим образом: какая из трех главных ипостасей (или реализаций) языка (по Ю.Н. Караулову) призвана стать приоритетным

объектом для лингвокультурологического исследования: *язык-система* (результат деятельности коллективной личности), *язык-текст* (результат деятельности индивидуальной личности) или *язык-способность* (коллективное достояние, индивидуально проявляющееся в личности)? Приведем некоторую аргументацию, исходя при этом из положения об индивидуальном и коллективном как двух обязательных и равных в значимости «слагаемых» культурно-языковой личности.

Необходимо отметить, что в последнее время наблюдается заметное снижение интереса к культурологическим исследованиям языка-системы, что представляется нам не вполне оправданным. Язык-система – не архаический мертвый субстрат. Это – живая, непосредственно существующая и действующая субстанция, «сокровищница» разнообразных творческих потенций и интенций коллективной личности (см.: [Цивьян 2009: 27; Вендина 2002]), конкретно и многообразно реализуемых индивидуальной личностью в языке-способности и языке-тексте. «Человек всегда опирается на то, что уже есть в наличии» [Гумбольдт 2000: 54]. Элементы языка-системы, «приобретая устойчивую оформленность», несут в себе «живой росток бесконечной определмости» [Там же: 82]. В связи с этим в исследовательский фокус, как представляется, необходимо прежде всего помещать *язык-систему* – коллективное достояние, результат сложных культуротворческих и языкотворческих процессов, осуществляемых коллективной культурно-языковой личностью в ходе ее непрекращающегося чувственно-интеллектуального освоения мира. Однако жизненный ритм языка-системы, его живое «дыхание» невозможно «уловить» без обращения к *языку-тексту* или *языку-способности* – индивидуальному достоянию, результатов тех же сложных процессов, приводимых в действие, однако, индивидуальной культурно-языковой личностью. Язык – это, как указывает В.фон Гумбольдт, «средостение, в котором, сообщая друг другу свои внешние помыслы и внутренние переживания, сближаются разнообразнейшие индивидуальности» [Гумбольдт 2000: 55]. Таким образом, признанием равноценности и равнозначности индивидуального и коллективного в понимании культурно-языковой личности фактически указывается на то, что в рамках лингвокультурологических исследований язык-система, язык-способность, язык-текст – это в одинаковой степени значимые области изучения. Поэтому целесообразно, по-видимому, при проведении лингвокультурологического исследования не ограничиваться только одной из них. Как представляется, лингвокультурологическое исследование может достигать своей целостности и достоверности (или объективности), судя по всему, при различном комбинировании этих языковых объектов (например, язык-система и язык-

текст, язык-система и язык-способность). При этом язык-система будет, как кажется, оставаться константой подобного комбинирования.

* * * * *

Подводя итог, еще раз хотелось бы отметить важность и актуальность проблемы личности для лингвокультурологических исследований, которая обладает не только теоретической, но и методологической значимостью.

В результате проведенной работы можно сказать, что понятие «культурно-языковая личность» в силу своего комплексного характера трудно поддается однозначному определению. Его разработка должна вестись с учетом целого ряда сопряженных с ним понятий, в число которых входят в первую очередь такие понятия, как «лингвокультура» – результат деятельностного отношения личности к миру и «культурно-языковая компетенция» личности. Важным в проведении лингвокультурологического исследования, в частности, на этапе выбора языкового объекта (в широком понимании), является определение того, какой из параметров культурно-языковой личности – индивидуальный или коллективный – принимается как исходный или наиболее значимый. Оптимальным, по-видимому, можно считать подход, согласно которому оба параметра признаются одинаково существенными, что делает необходимым включать в лингвокультурологическое исследование и язык-систему, и язык-текст, и язык-способность в разных комбинациях и выработать и/или совершенствовать процедуры и методики их лингвокультурологического изучения.

В целом можно еще раз подчеркнуть, что «культурно-языковая личность» – понятие, которое заслуживает особо пристального внимания со стороны лингвокультурологов. Проблемное поле, очерченное данным понятием, требует дальнейшей всесторонней и тщательной научно-исследовательской работы.

Л и т е р а т у р а

1. *Арлычев А.Н.* Сознание: информационно-деятельностный подход. М.: КомКнига, 2005.
2. *Асмолов А.Г., Леонтьев Д.А.* Личность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000–2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1672.html>
3. *Беляевская Е.Г., Малай Т.Н.* Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). М.: ИПК МГЛУ, 2011.
4. *Бандуровский К.В.* Личность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000–2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1672.html>
5. *Библер В.С.* На гранях логики культуры. Книга избранных очерков // Культурология: Классические труды. М.: Нексмедиа, 2007. Электронный ресурс.
6. *Богин Г.И.* Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980.

7. *Богин Г.И.* Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982.
8. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. (Фундаментальные словари).
9. *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
10. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка, 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.
11. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
12. *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
13. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 13–15.
14. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002.
15. *Карсавин Л.П.* Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М: Ренессанс, 1992.
16. *Ковишова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
17. *Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
18. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
19. *Красных В.В.* Воспроизводимость как феномен лингвокультуры // Языковое сознание: парадигмы исследования / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.–Калуга: «Эйдос», 2007. С. 79–90.
20. *Красных В.В.* К вопросу о постулатах лингвокультурологии // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею проф. В.Н. Телия. М.-Тула, 2010. Т. 1. С. 33–35.
21. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
22. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007.
23. *Лосский Н.О.* История русской философии. Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
24. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб: «Искусство – СПб», 2001.
25. ЛРС – Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. Русский язык-Медиа», 2005; АBBY Lingvo, 2008.
26. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2004.
27. *Нашимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
28. *Никитина Е.С.* Человек и язык // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. М.: Институт языкознания РАН, 2008. С. 44–49.
29. *Николаев В.Г.* Кардинер // Культурология, XX век. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1. СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998.
30. *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25–34.
31. *Сорокин П.А.* Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134–139.
32. *Струве П.Б.* Избранные сочинения // Культурология: Классические труды. М.: Нексмедиа, 2007. Электронный ресурс.
33. *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М.Л. Ковинова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. ISBN 978-5-317-04486-2

- фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
34. *Телия В.Н.* Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболярий в архитектонике фразеологизмов-идиом // *Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака.* М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 433–441.
 35. *Телия В.Н., Дорошенко А.В.* Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований // *Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой.* М.: Гнозис, 2008. С. 207–216.
 36. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана // *Культурология: классические труды.* М.: Нексмедиа, 2007. Электронный ресурс.
 37. *Фролов С.С.* Социология. М.: Наука, 1994.
 38. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
 39. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во Московского университета, 1997.
 40. *Черносвитов П.Ю.* Закон сохранения информации и его проявления в культуре. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

**ABOUT PERSONALITY:
LINGUOCULTUROLOGICAL NOTES**

I.V. Zykova

Keywords: personality, culture, language, collective, individual

Abstract

The paper aims at the further elaboration of the notion “personality” within the framework of linguoculturological studies. This notion is analyzed from the point of view of the dichotomy ‘collective – individual’. Special attention is paid to the methodological aspect concerning the choice of the linguistic object (in its broad sense) for a linguoculturological research that can be language as a system, language as a text, language as a capacity.